

ки социальной направленности», «Шванки о конкретных лицах», «Шванки общечеловеческого содержания». Каждый из этих разделов делится на несколько циклов. Так, в первый раздел вошли шванки о господах, крестьянах и батраках, шванки о ремесленниках, о городе, о властях, о духовенстве. Во второй — шванки об Уленшпигеле, о короле Фрице, о тетеровцах (т. е. мекленбургских шильдбюргерах). В третий — шванки о любви и браке, о детях, о плясках и пьянстве. Таким образом, в книге вырисовываются взгляды народа на жизнь, его отношение к окружающей среде.

Сюжеты большинства шванков относятся к общераспространенным так называемым бродячим сюжетам, но вместе с тем они и в содержании, и в форме своей полны национального своеобразия. Интересно указание составителя на то, что «носителями» шванков являются преимущественно мужчины. Из 298 рассказчиков, от которых записывал Воссидло, 247 — взрослые мужчины и мальчики; из 572 текстов — 69 рассказано женщинами.

Книгу открывает исследовательская статья З. Неймана, в которой он излагает историю собирания публикуемого материала, подробно излагает те эдиционные принципы, которыми он руководствовался при подготовке сборника к печати, дает жанровую характеристику публикуемого вида народной прозы и останавливается на особенностях бытования шванков и творчестве их рассказчиков.

В приложении к сборнику дана библиография, список сокращений, указатели рассказчиков и корреспондентов и примечания к отдельным текстам. В примечаниях, кроме паспортных данных, приводятся сведения о первых публикациях и степени литературной обработки текстов, ссылки на указатель сказочных сюжетов Аарне — Томпсона и индекс мотивов Томпсона. В примечаниях указаны также известные мекленбургские варианты публикуемых сюжетов.

Книга «Народные шванки из Мекленбурга» настолько интересна по содержанию, настолько заботливо и высококвалифицированно подготовлена, выполнена на таком высоком полиграфическом уровне, что издание это может считаться образцовым. Оно дает честь немецкой филологической науке и является ценнейшим вкладом в науку о фольклоре.

Э. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Thomas M. Fraser. *Rusembilan: A Malay Fishing Village in Southern Thailand*. Cornell University Press, Ithaca, New York, 1960, 281 стр.

В той части Таиланда, которая расположена на севере полуострова Малакка, население довольно разнородно по составу: здесь расселены тай, китайцы, малайцы, семанги и др. Малайцев насчитывается 750 тыс. чел., в прибрежных районах провинций Патани, Яла, Наративат и Сонкла они составляют преобладающую часть населения (до 85%), во внутренних районах этих же провинций — почти все 100%. В местах длительного совместного проживания малайцев и тай в результате смешанных браков между представителями этих национальностей образовалась новая этническая группа — сам-сам. Сам-сам говорят на тайском языке, но исповедуют, в отличие от тайского населения страны, ислам. Группа сам-сам немногочисленна. Основная масса малайцев Таиланда не смешивается с соседним немалайским населением и сохраняет национальную обособленность.

Малайцы в Таиланде говорят на малайском языке, но знают, как правило, и тайский язык, так как им приходится иметь дело с тайскими чиновниками, осуществляющими управление южными провинциями, встречаться с тай на рынках и т. д. Ислам — религия, которую малайцы полуострова Малакка исповедуют с XIV—XV вв., накладывает специфический отпечаток на их культуру и быт. Занимая в Таиланде положение национального меньшинства, малайцы находятся в зависимости от национальной политики этой страны. Особенным гонением начали подвергаться малайцы со вступлением в 1938 г. на пост премьера реакционного политического деятеля Пибун Сомграма. Были сделаны попытки заставить их принять тайский язык, одежду, обычаи. В 1941 г. на них было распространено действие закона 1934 г. о браке и наследовании, первоначально касавшегося только населения страны, исповедующего буддизм¹.

Этнография малайцев Таиланда до последнего времени получила лишь незначительное освещение в научной литературе. После небольшой относящейся к началу на-

¹ V. Thompson a. R. Adloff, *Minority Problems in Southeast Asia*, Stanford University Press, Stanford, California, 1955, стр. 159.

шего века работы Н. Анандейла², о малайцах Таиланда не было написано ни одного серьезного сочинения. В книгах о Таиланде при описании южных провинций обычно не проводилось различия между этническими группами населения этих мест. До самого последнего времени полевые этнографические работы в Таиланде южнее перешейка Кра не велись. Поэтому появление работы Томаса М. Фрэзера «Русембилан: малайская рыбацья деревня в южном Таиланде», являющейся первым опытом разностороннего этнографического описания малайского национального меньшинства в Таиланде, представляет собой факт, бесспорно заслуживающий внимания.

Работа Фрэзера является одной из немногих книг о Таиланде, написанных этнографом-профессионалом. Она вышла в серии «Cornell Studies in Anthropology», основанной в 1948 г. Корнелльским университетом при содействии Карнеги-Корпорейшн. Издание книги финансировано из Фонда Форда. В последние годы Корнелльский университет развил бурную деятельность по изучению этнографии стран Юго-Восточной Азии, в частности Таиланда. В 1950 г. Дальневосточный отдел Корнелльского университета разработал «Программу изучения Юго-Восточной Азии» (South-East Asia Program), одним из направлений которой было изучение результатов того влияния, которое оказывают на народы Юго-Восточной Азии изменения в экономике. На проведение этих исследований из Фонда Рокфеллера отдел получил ссуду в 325 тыс. долларов. В 1954 г. Фонд пожертвовал еще полмиллиона долларов на осуществление программы исследований. В эти годы американские этнографы развернули этнографические работы в Таиланде. Субсидирование исследований в Юго-Восточной Азии из фондов Рокфеллера и Форда свидетельствует о большом внимании США к странам этого района земного шара.

Исследования, предусмотренные «Программой изучения Юго-Восточной Азии», проводятся как в самом Корнелльском университете, так и непосредственно в изучаемых странах. Сотрудники университета, занимающиеся Таиландом, образуют коллектив, называемый «Таиландский проект» (Thailand Project), имеющий исследовательский центр в деревне Банчан, неподалеку от Бангкока. Этнографы, входящие в этот коллектив, опубликовали ряд работ о тайском населении Таиланда. Благодаря сочинению Т. М. Фрэзера в сферу этнографического изучения оказались включенными малайцы.

В основу рецензируемой книги положены материалы, собранные Фрэзером и его супругой в деревне Русембилан в феврале — сентябре 1956 г. Мотивы, побудившие Фрэзера остановить свой выбор именно на этой деревне, расположенной на побережье Сиамского залива, сводятся к следующему: Русембилан находится недалеко от большого торгового центра — г. Патани, вследствие чего жители его вовлечены в торговлю и имеют возможность вступать в контакт с тайским населением этого города. Кроме того, поселок Русембилан достаточно велик и может рассматриваться как типичное малайское поселение в данной области, с другой стороны, как казалось автору, исследование жизни его населения вполне возможно за тот непродолжительный отрезок времени, который был в его распоряжении. Метод работы супругов Фрэзер заключался в беседах с информаторами малайской национальности (их было около 20 человек в возрасте 30—35 лет), представлявшими различные по занятиям и доходу группы населения поселка. Несколько информаторов были тайской национальности.

Усилия Фрэзера-исследователя были направлены на изучение общинной организации малайцев южного Таиланда и тех изменений, которые происходят в экономике и культуре этого народа в процессе «включения в тайскую нацию» (стр. 3).

Книгу Т. Фрэзера можно разделить на два неравноценные раздела: первый, составляющий девять десятых объема книги, — весьма квалифицированное этнографическое описание малайцев поселка Русембилан. В этом разделе Т. Фрэзер излагает свой оригинальный материал. Во втором разделе он подводит теоретическую базу под уже сооруженное здание. Первый раздел следует признать безусловно интересным. В заключительных главах книги, на наш взгляд, Фрэзеру изменяет простота и ясность изложения, присущая разделу «описательному». Нам представляется, что читателю было бы полезно познакомиться с фактическим содержанием рецензируемой книги, так как именно факты о жизни малайцев Таиланда являются наиболее привлекательной стороной этой книги, не претендующей на сенсационные открытия или теоретическую полемику.

Как показывает название книги, поселок Русембилан — рыбацкий. Из 222 проживающих в нем мужчин 101 человек занимается исключительно рыболовством, 59 сочетают рыболовство с земледелием, 14 занимаются только земледелием, остальные в различных пропорциях сочетают эти два занятия с иными формами деятельности. Перенесение центра тяжести в хозяйственной жизни с традиционного для малайцев занятия — выращивания риса — на рыбную ловлю объясняется здесь развитием торговли, возможностью продавать рыбу. Спросом на рынке пользуется главным образом макрель, поэтому она является самым важным (но отнюдь не единственным) объектом морского промысла в Русембилане. На лов макрели с апреля по октябрь выезжают далеко в

² N. Annandale, Customs of the Malaya-Siamese, «Contribution to the Ethnography of Malay Peninsula», 1904, pt. 4, стр. 62.

море командами по 14 чел. на лодках «перау колек», имеющих в длину 13—17 м. Такие лодки производят далеко от Русембилана, в селении Талубан. Стоят они дорого — 150 тыс. бат (750 американских долларов) и потому приобретение их доступно лишь очень богатым жителям. Из 14 лодок этого типа, имеющих в Русембилане, семь находятся в единоличной собственности, две куплены на паях жителями поселка, а пять являются общей собственностью рыбаков, объединяющихся для совместной ловли рыбы в артель. Члены артели должны также вносить свои сети. Улов делится на доли так, чтобы каждый член команды получил по одной доле плюс половину доли за каждую принесенную сеть. Дополнительную половину доли получают также члены команды, вычерпывающие воду из лодки и моющие лодку, добавочную долю получает рулевой. Если лодка не принадлежит команде, полторы доли от каждого улова отдается хозяину лодки. Дележом и продажей улова занимаются женщины.

Таким образом, как показывают приводимые Т. Фрээрером факты, с самого начала — с покупки лодки и до конца — реализации улова — рыбная ловля в Русембилане связана с товарно-денежными отношениями. Выделение части улова хозяину лодки является не чем иным, как арендной платой за пользование его собственностью.

Разрушение натурального хозяйства у малайцев Таиланда произошло в последние годы. Еще до второй мировой войны, как показывает Фрээрер, деньги почти не играли роли для большинства семей в Русембилане. Все необходимое они производили сами или получали путем обмена. Начало «новой жизни» было положено, по словам Т. Фрээрера, тем, что «во время войны и сразу после нее самообеспечение стало затруднительным, почти невозможным в большей части районов ввиду ущерба, нанесенного рисовым полям, кокосовым плантациям и рыболовным снастям, а также вследствие вынуждаемой японскими оккупантами продажи рыбы и продуктов сельского хозяйства» (стр. 78).

В настоящее время часть мужского населения Русембилана уходит на заработки в один из штатов Малайской Федерации — Кедах, где за еду и денежную оплату занимается сбором урожая, реже — рыбной ловлей или сбором каучука. Разрешение на выезд в Малайю дается на 30—45 дней. В муссонный период группа рыбаков отправляется в Сагун на западном побережье Таиланда, нанимает лодку и рыбачит как самостоятельная команда.

Товарно-денежные отношения проникли и в земледелие. Земля находится в частной собственности отдельных семей. 25% семей в Русембилане не имеют своей земли и арендуют ее у землевладельцев, расплачиваясь с ними деньгами, натурой или оказанием каких-либо услуг. Так или иначе жители Русембилана сами обеспечивают себя рисом. Практикуется два способа приобретения земли (главным образом под каучуконосы). Участок земли, за который владелец не уплатил правительственного налога, может перейти, с ведома районного управления, в собственность другого жителя деревни после уплаты последним просроченных взносов. Деньги, необходимые для этого, крестьянин, при отсутствии сбережений, может взять у нескольких односельчан, за что он должен делить с ними доходы, приносимые купленной землей, пропорционально взятым у них суммам, или у одного заимодавца, отдавая ему 50% получаемого дохода, — до тех пор, пока долг не будет полностью погашен (без всяких процентов).

Другой способ приобретения земли, состоящий в покупке ее у государства, по цене 1000 бат (что равняется 50 американским долларам) за 1 акр, пользуется меньшей популярностью у жителей Русембилана ввиду того, что это дорого и неудобно, так как продаваемые земли находятся, как правило, в значительном удалении от поселка.

Наиболее надежным источником дохода жители Русембилана считают культивирование каучуконосных. Размер участка под каучуковой плантацией варьирует у отдельных семей от 1 до 20 акров. Т. Фрээрер не приводит данных о том, какую максимальную площадь может возделывать в Русембилане одна семья, не прибегая к наемному труду (ссылаясь, однако, на известные ему цифры, относящиеся к Малайской Федерации, где площадь участка под каучуконосами, находящегося в собственности семьи, составляет в среднем 1,5—2 акра, а размер участка, возделываемого без посторонней помощи, — 6—10 акров). Владельцы больших участков в Русембилане нанимают рабочих. Как велика получаемая этими рабочими плата, Т. Фрээрер не сообщает, ограничиваясь словами: «Многие жители деревни, не имеющие собственного капитала, который они могли бы вложить в землю, работают часть года на участках друзей или родственников, получая долю их дохода, а на более крупных коммерческих плантациях получают зарплату» (стр. 68).

Приводимый Т. Фрээрером материал показывает, какую большую роль стали играть товарно-денежные отношения в экономике Русембилана. Распад натурального хозяйства сопровождается имущественным расслоением крестьян и появлением эксплуатаций капиталистического характера.

Несмотря на то, что факты совершенно недвусмысленно свидетельствуют о классовом расслоении жителей Русембилана, понятие «класс» ни разу не появляется в книге, где так много внимания уделяется анализу социально-экономических отношений в поселке. Вместо этого автор пытается осмыслить изложенный (и надо отдать ему справедливость — богатый) фактический материал с точки зрения «теории ориентаций»

и «системы ценностей» — далеко не прогрессивных течений в современной американской этнографии, призванных отвлечь от учения о классах. Любопытно отметить, что «теоретизирование» автора не было одобрено и на страницах журнала «*American Anthropologist*»³.

Разделам книги Т. Фрэзера, посвященным описанию экономики Русембилана, не хватает исторической перспективы, так как по ним трудно составить четкое представление об этой деревне в то недалекое время (до второй мировой войны, по утверждению автора), когда хозяйство крестьян имело самодовлеющий характер, хотя «социокультурным изменениям» и посвящены две главы рецензируемой книги. Более глубокий исторический фон при анализе современного экономического положения поселка Русембилан явился бы тем более ценным, что помог бы составить представление о нынешнем состоянии большей части малайских деревень в Южном Таиланде, расположенных в более изолированных районах Малаккского полуострова, которые в значительной степени сохраняют натуральное хозяйство. Социально-экономические отношения внутри таких деревень, к сожалению, не исследовались.

Интересный материал содержит глава, названная «Общинная организация». Русембилан состоит из трех деревень — *кампонгов*. Населяющие эти деревни семьи связаны между собой родственными узами. Главы этих семей избирают из своей среды старосту общины — *тамбона* и его помощника. Староста, получающий жалованье от государства, находится на службе у вышестоящих властей и целиком от них зависит. Он следит за исправной уплатой жителями Русембилана налогов, за их участием в общинных работах (расчистке оросительных каналов, постройке или ремонте школы и т. п.). Популярностью среди народа он не пользуется. Для разрешения спорных вопросов жители поселка обращаются к более авторитетным старейшим членам общины или к главе религиозной общины — имаму, которые в случае административного характера дела советуют передать его на рассмотрение старосте или в районное управление. Однако многие дела члены общины предпочитают решать сами, в соответствии с нормами обычного права, минуя официальные власти.

Каждый из старейших членов общины разрешает разного рода конфликты, возникающие в деревне, опираясь лишь на свой личный авторитет. Они не образуют сообщества какой-либо единой коллегии. Тайские власти пытаются превратить старейшин в подвластный им административный аппарат — деревенский совет. Однако члены общины относятся к этому нововведению с чувством внутреннего протеста.

В тамбоне сохраняются общинные традиции в хозяйстве и обрядах, но хозяйственного целого он не представляет, так как общинная собственность на землю отсутствует. Развитие товарно-денежных отношений еще способствует ослаблению внутрисемейных связей. Из книги Т. Фрэзера, однако, невозможно узнать, что представляла собой малайская община в «чистом виде», т. е. до нажима со стороны тайских властей, и поэтому нельзя считать, что автору удался показ тех изменений, которые малайская община претерпела, по выражению автора, при «включении малайцев в тайскую нацию».

Родственные связи между семьями проявляются как в экономической, так и в бытовой сферах. При проведении полевых работ образуются группы взаимопомощи, которые состоят прежде всего из родственников (ввиду близости их полей), а также из друзей и соседей. С преобладанием рыболовства еще большее значение имеют отношения сотрудничества, которые устанавливаются между членами одной команды. К товарищам по рыбной ловле обращаются теперь за помощью и в период полевых работ; с ними договариваются также о совместной покупке земли под каучуковые плантации.

Показателем того, как сильно ощущаются родственные связи между проживающими в одном кампонге семьями является обычай, запрещающий заключение браков в пределах кампонга. Молодые после заключения брака живут чаще в деревне мужа, однако большое значение при выборе места поселения имеют соображения экономического характера: в случае, если муж происходит из деревни во внутренних районах полуострова, а жена — из Русембилана, предпочтение отдается последнему ввиду больших хозяйственных перспектив.

На стр. 125 помещена таблица терминологии родства, в которой наглядно запечатлено упрощение терминов родства у малайцев Русембилана по сравнению с соответствующими терминами у малайцев внутренних районов. Это явление Т. Фрэзер справедливо связывает с изменениями в социально-экономических отношениях в Русембилане. Вместо трех терминов, различающих братьев и сестер родителей по возрасту: «пак-лунг», «пак-нга» и «пак-су» — старший, средний и младший дядя и «мак-лунг», «мак-нга», «мак-су» — старшая, средняя и младшая тетка — в Русембилане имеется по одному термину для всех дядей — «пачу» и всех теток — «мачу». Племянников жители Русембилан называют так же, как и собственных детей: «аванг» — сын и «мэ» — дочь, в то время, как во внутренних районах для племянников есть термин «анак судара»

³ «*American Anthropologist*», vol. 63, № 2, p. 1, April 1961, стр. 424.

(без различия их по полу). В остальном терминология родства в этих районах совпадает. К сожалению, Т. Фрэзер не показывает, какие реальные отношения скрываются за терминами, которыми говорящий называет своих родных братьев и сестер, из которых для старших имеется два термина: «абанг» — брат и «какак» — сестра, а для младших — общий — «адек». В малайском и индонезийском языках эти термины имеют и индивидуальное, и групповое значение. «Абанг» значит не только старший брат, но также любовник, муж, старший мужчина. «Какак» — не только старшая сестра, но и собирательно — старший брат и сестра вообще. «Адек» называют не только младших по возрасту брата и сестру, но и жену.

Автор отмечает, что несмотря на ослабление значения родственных уз за пределами семьи, жители Русембилана, по традиции, при встрече с незнакомым малайцем стараются установить, не находятся ли они с ним в какой-либо степени родства.

С политическим положением малайского национального меньшинства на примере изучаемого поселка автор знакомит читателя в главе «Русембилан как часть тайской нации». Само название этой главы представляется нам неудачным, поскольку сохранение малайцами Таиланда своего языка, религии, обычаев и национального самосознания свидетельствует, на наш взгляд, о том, что они не могут рассматриваться как часть тайской нации. Приводимые Т. Фрэзером факты убедительно показывают, что несмотря на распространение на районы, населенные малайцами, той же административной системы, что и во всей стране, укрепление их экономических связей с другими районами Таиланда и вопреки проводимой правительством политике ассимиляции этой народности, малайцы в Таиланде продолжают оставаться этнической группой, ощущающей свою связь с народом, живущим по другую сторону границы, отделяющей Таиланд от Малайской Федерации.

Живо и увлекательно описаны Т. Фрэзером обычаи и верования малайцев Русембилана (главы IX—XI).

Появление такой книги, как «Русембилан: малайская рыбацья деревня в Южном Таиланде», столь насыщенной добротным фактическим материалом, в то время когда этнографическое изучение Таиланда переживает еще период становления, не может не привлечь внимания всех, кто интересуется этнографией этой страны.

Е. Иванова

Ю. В. Ганковский. *Народы Пакистана (основные этапы этнической истории)*. Отв. редактор А. М. Дьяков. Ин-т народов Азии АН СССР. Изд-во «Наука», М., 1964. 343 стр.

Одной из актуальных задач советской исторической и этнографической науки является изучение процессов консолидации народов Востока в нации. После второй мировой войны в связи с общим распадом мировой империалистической колониальной системы и образованием многочисленных независимых государств в Азии и Африке, подымается могучая волна национального возрождения. Несомненно, в каждой стране этот процесс проходит в соответствии с конкретными местными условиями, но это никоим образом не исключает его общих закономерностей.

Для того, чтобы глубже понять те этнические процессы, которые протекают в странах Южной Азии в настоящее время, необходимо знать этническую историю изучаемых народов, роль тех внешних факторов, которые оказали влияние на судьбы этих народов.

Монография Ю. В. Ганковского «Народы Пакистана» посвящена этнической истории пяти основных крупнейших народов этой страны: бенгальцев, панджабцев, синдхов, пуштунов и белуджей. Рецензируемая книга является первой крупной работой в этой области и, несомненно, представляет значительный интерес для историков и этнографов-востоковедов.

Книга состоит из четырех глав: I — древнейшее население северной части индийского субконтинента (стр. 18—47); II — этнические процессы в северо-западных и северо-восточных областях индийского субконтинента в период расцвета и упадка рабовладельческой формации (стр. 48—100); III — этнические процессы в эпоху феодализма и формирование феодальных народностей (стр. 101—167); IV — формирование буржуазных наций (стр. 168—235). Книге предпослано предисловие автора (стр. 3—17), некоторые выводы даны в заключении (стр. 236—244). Дополнена монография подробной библиографией, а также указателями имен, географических названий и этнонимов (стр. 245—279).

Как видно из перечня глав, работа Ю. В. Ганковского охватывает обширный период, начиная с самых древних времен (с палеолита) и кончая 1947 г., т. е. годом возникновения двух независимых государств — Индии и Пакистана.

Исследование этнической истории народов Пакистана за такой огромный исторический период — очень трудная задача. Она требует комплексного решения целого